

Как связаны Пьеро дела Франческа и фонд *Gift of Life*? Что хочет сказать мужчине женщина, когда снимает перчатку? Как выглядит глумление над идеей благотворительности? Что ответил Теодор Курентзис Ванессе Редгрейв? И как лишить джентльмена чувства такта? Это и кое-что еще Чулпан Хаматова и Катерина Гордеева, подруги, соавторы и соратницы, успели выяснить, пока по просьбе ZIMA разговаривали о русских и англичанах, о путешествиях, о благотворительности и о Лондоне.

«ЛОНДОН ДЛЯ МЕНЯ — ЭТО ПРО РАДОСТЬ»

Катерина Гордеева: Мы с тобой специально для журнала ZIMA встретились в Москве на пару часов между поездками. Ты завтра летишь в Израиль, я только что вернулась из Барселоны. Ты любишь командировки?

Чулпан Хаматова: Командировки обычно связаны с гастролями. Я люблю гастроли. Когда мы на гастролях, я стараюсь успеть погулять и каким-то образом — ногами, глазами, дыханием — осваиваю пространство, в котором оказалась. Ведь

репетиции обычно не все время, несколько часов в день есть в моем распоряжении. А ты?

Катерина: У меня другая совсем история. Мои командировки — это всегда приехали, бросили вещи в гостиницу, снимали четыре дня, улетели. Иногда меня мама спрашивает: красивый ли город? А я не знаю, что ответить. Я кроме аэропорта, гостиницы и точки съемки ничего не видела. Я люблю путешествовать. Это, пожалуй, моя самая главная любовь.

Фотография Ольга Павлова

Эта фотография Чулпан Хаматовой и Катерины Гордеевой была сделана, когда они готовили к изданию совместную книгу «Время колоть лед», составленную из их разговоров, заметок и воспоминаний о работе, друзьях, искусстве, журналистике и благотворительности. Это соавторство – далеко не единственное, что их объединяет

Чулпан: И я путешествия обожаю. Мне ужасно хочется путешествовать с теми, кого я люблю. И я стараюсь, чтобы как минимум раз в год у меня в жизни случалось такое Большое Путешествие. Иногда это даже получается. В прошлом году мы проехали через всю Испанию в совершенно прекрасной компании друзей и единомышленников, со мной были все три мои дочери, это было просто замечательно: мы жили такой коммуной, открывали для себя новые города, вместе готовили ужины, вместе гуляли, вместе купались. Такая ежедневная яркая смена картинки, эмоции, впечатления и возможность обсудить увиденное и почувствованное с теми, кого любишь, — это бесценно.

БЕРЕМЕННАЯ МАДОННА

Катерина: Какой лучшее путешествие в твоей жизни?

Чулпан: Однажды я оказалась в путешествии по Ирландии. Мы просто решили ехать куда глаза глядят, останавливаясь по пути, ночуя в маленьких безвестных отелях, обедая и ужиная в крошечных ресторанчиках по пути, следуя за интуицией, инстинктом, любопытством. Это было самое, пожалуй, захватывающее путешествие в моей жизни и очень красивое. С тех пор я считаю Дублин самым крутым городом на свете. По крайней мере, это мой любимый город. Твой какой?

Катерина: Мой — Рим. Все мои путешествия так или иначе начинаются в Риме. Оттуда я дальше еду на север или на юг — мне абсолютно неважно. Италия — это одна большая, сплошная, невероятная красота, которая мне совершенно не надоедает, я каждый раз ахаю. Пару месяцев назад я ездила — разумеется, из Рима — через Ассизи и Ареццо в Сиенну. И, знаешь, в какой-то момент я настолько напилась красотой, что в Сиенне не смогла войти в Домский собор — не было сил. Мы сидели на главной площади-ракушке и просто смотрели перед собой: красота парализовала.

Чулпан: Я очень нежно люблю этот маршрут, там же почти везде на пути встречается мой любимый Пьеро делла Франческа. Ты же заехала в Монтереккио посмотреть на его Беременную Мадонну — самую первую и главную беременную Мадонну в мире?

Катерина: О том, что она в Монтереккио, то есть в тридцати километрах восточнее нашего маршрута, я сообразила, когда развилка уже промелькнула и осталась позади. Я вначале страшно жалела, а потом подумала, что это повод вернуться. Беременная Мадонна делла Франчески — точнее, открытка, на которой она изображена, — висит в изголовье моей кровати. Ты подарила мне ее накануне первого концерта нашего «Подари жизнь» в Лондоне.

Чулпан: Да ты что?! Точно! Это какой год был, 2009-й? Наши первые попытки проникнуть в благотворительный мир Лондона, про который мы, кажется, вообще ничего не понимали и в который, если бы не Дина Корзун, которая жила тогда в Лондоне, и Люба Галкина, которая и тогда, и сейчас — лондонец... или лондонка, как правильно?

Катерина: Давай аккуратно — жительница Лондона.

Чулпан: Хорошо. Так вот, если бы не они, мы бы никогда ни в какой Лондон не полезли! Но мы влезли, потому что Дина и Люба сказали, что благотворительный бал в Лондоне может помочь детям, — так и получилось. А потом мы зарегистрировали английскую сестру «Подари жизнь», фонд Gift of Life, и Люба Галкина стала его попечителем. И все наши балы, а мы их проводим с тех пор каждый год, все наши акции происходят потому, что их локомотив — Люба, великий человек!

НАСТОЯЩИЙ ШЕКСПИР

Катерина: Что тебя связывало с Лондоном до начала всей истории с Gift of Life?

Чулпан: Слушай, я только сейчас поняла, какое поразительное совпадение: впервые в жизни я оказалась в Лондоне в 2005 году, на следующий день после самого первого нашего благотворительного концерта в «Современнике», тогда еще даже фонда не было, а концерт назывался «Подари мне жизнь». Так вот, ровно на следующий день я впервые в своей жизни улетела в Лондон, на съемки для журнала Elle, меня снимал какой-то фантастический модный фотограф, с которым один день мы работали в студии, а потом он, по моей просьбе, согласился снимать на прогулке. И мы пошли. Мы гуляли и гуляли, и я, кажется, сразу почувствовала, что Лондон — это город, в котором можно и нужно ходить ногами, который создан

для того, чтобы в нем дышать полной грудью. Мы тусили по каким-то самым модным местам и бродили — по самым неожиданным. И, ты знаешь, у меня перед глазами стали тут же всплывать прямо целые сценки из моего любимого Диккенса. Я наслаждалась маленькими домиками и большими домиками с деревянными перегородками, гуляла по центру, который оказался очень открытым и уютным одновременно, потом мы каким-то образом попали в Holborn, очутились рядом с домом «интересных» вещей Диккенса, и все, читанное мною в детстве, вдруг стало оживать. Мне страшно тогда понравилась та поездка! Но Лондон — он же все время разный. И в следующий раз все уже было по-другому.

Катерина: В следующий раз было что?

Чулпан: В следующий раз был театр. Я поехала учиться в Лондонскую академию драмы LAMDA — London Academy Music and Drama.

Катерина: Зачем?

Чулпан: Мне было интересно, как устроена изнутри школа и система, отличная от нашей, от той, которую мы используем в России. Я вначале была потрясена, столкнувшись с техниками, о которых мы тогда вообще не знали, которые не использовали, да и сейчас не используем у нас, до сих пор не дошли.

Катерина: Этот опыт оказалось полезным?

Чулпан: Очень! Но это были такие, скажем, азы. Потому что потом, на следующий год, я приехала уже учиться в Royal Academy, королевскую театральную академию. Это был шекспировский курс, я сама его выбрала, потому что мне было важно глубоко понять Шекспира, проникнуть в него — я в том сезоне только что выпустила «Антония и Клеопатру» и как-то заболела идеей разобраться, что мы такое играем, что такое Шекспир, о чем он вообще? Мне важно было понять суть шекспировского языка не в переводах, а в оригинале, мне важно было услышать Шекспира таким, каким его понимают его соотечественники. И вот я поехала разбираться.

Катерина: Как это было?

Чулпан: Если коротко, это было жутко познавательно!

Катерина: Слушай, ну это же удивительно и нетипично для России: ты, бу-

фотография Тана Найдэн

А эта фотография – с презентации книги «Время колоть лед», которая прошла в Лондоне в аукционном доме Phillips в январе прошлого года. В беседе с журналистом Михаилом Зыгарем Чулпан Хаматова и Катерина Гордеева рассказывали, как пришли в благотворительность и почему ничего важнее этого нет. «Колка льда в постоянно замерзающей стране» – это их аллегория на тему благотворительности. Кстати, та презентация позволила собрать £9000 для подопечных фонда Gift of Life

дучи известной и востребованной актрисой, дважды платишь собственные деньги и дважды едешь учиться в качестве студентки в Лондон — вместе с людьми, которые и в малой доле не владеют профессией так, как ты.

Чулпан: Это не так! Со мной, например, училась Эмма Уотсон, сыгравшая одну из главных ролей в «Гарри Поттере», со мной учились ребята, которые уже работали, уже состоялись в профессии. Некоторые, конечно, этим похвастать не могли. Но это все неважно. Тот уровень понимания Шекспира, который появился у меня после учебы, был несопоставим с тем, что я имела, прикладывая все возможные усилия, обчитывая все лекции и все комментарии к Шекспиру, до которых могла дотянуться в России. Потому что Шекспир — это такая стихия, которую невозможно упаковать в русский язык. Его многослойность, многосмысленность, юмор и трагедия в одном тексте. Это игра и со звуком, и с ритмом, и со звучанием слова: там шипящие, здесь звонкие, там сухие согласные, здесь — выделение гласных. Это все создает канву, персонажную характеристику, которой в русском языке, конечно, не слышно, все уходит. А в английском — слышно. Кроме того, смыслы и контекст. Мы читаем «она сняла перчатку», и для нас это ничего не значит: ну, сняла. А Шекспир имеет в виду знак, который сделала женщина, сняв перчатку. Автор этой репликой указывает на то, что она сняла перчатку и тем самым сказала: «Я твоя». Плюс три страницы текста, которые не переведены на русский или переведены с искажениями.

Потом, через много-много лет после моей учебы, мы делали в Театре Наций спектакль «Укрощение строптивой». И я позвала свою однокурсницу Энни Сандерс, которая осталась учиться и еще училась много лет в Академии, приехать в Москву и консультировать нас. По этим консультациям Дмитрий Быков написал новый перевод. К сожалению, он не

успел всю пьесу переписать, поскольку мы поздно к нему обратились, но основные монологи он сделал, и это получилось очень классно.

ОСТРОВНАЯ КУЛЬТУРА

Катерина: У тебя сложились за время учебы какие-то отношения с Лондоном?

Чулпан: Мне кажется, да. Я жила у Дины Корзун и на занятия ходила пешком. И поняла, что Лондон очень удобно устроен для прогулок. Потом я освоила метро, и меня страшно удивляло то, что там, под землей, происходит: ты кого-то случайно толкаешь, но не успеваешь извиниться, потому что тебе уже скажет кто-то «извините, пожалуйста». Я долго не могла перестать восторгаться этой вежливостью, она впечатляет очень. Понятно, что она до какого-то предела, естественно, будет, но все равно это намного лучше, чем наше хмурое существование. Но все же Лондон — не транспортный город, он для легкой и радостной ходьбы.

Катерина: Где ты любила гулять?

Чулпан: Мне нравилось по воскресеньям гулять по Primrose Hill, это, наверное, лучший в мире маршрут выходного дня. Если удастся попасть в Лондон на Рождество, я стараюсь оказаться на Carnaby Street и празднично гулять вместе с туристами и толпами всех, кто приехал специально поглазеть на эту настоящую, меняющуюся на глазах сказку. Конечно, люблю Soho, в котором жизнь не затихает, кажется, ни на минуту. Я люблю туда приехать с друзьями, сидеть в баре, выпивать, болтать. Обожаю street

food на Camden Market. Там есть классный лайфхак: взять бокал игристого вина, кучу всего вкусного и поесть все это с апетитом, наблюдая за проплывающими по каналу лодками. И еще, конечно, South Kensington, где можно бродить маршрутами «Саги о Форсайтах» и даже увидеть кого-то из героев среди многочисленных оставшихся коренных жителей Лондона, которые тут живут. Раньше я ездила в Holborn к своему Диккенсу, в «сумас-

шедший домик», теперь домик перевезли в King Cross, и мы встречаемся реже.

Катерина: Тебе комфортно в Лондоне?

Чулпан: Если я туда приезжаю работать, то абсолютно комфортно. А вот жить, как вот в статусе какой-то просительницы, — нет.

Катерина: Почему просительницы сразу?

Чулпан: Ну, а в каком еще я могу там пригодиться как русская артистка? Нет, серьезно, мне кажется, я могу существовать в Лондоне, как и в любом другом заграничье, только приезжая в гости. Что касается именно Лондона... Знаешь, у англичан все-таки очень специфическое отношение к не своим. Оно не плохое, не хорошее. Это просто какая-то, видимо, островная культура, с которой мы сталкиваемся в виде отголосков, которые многие принимают за снобизм. Но это не снобизм — это просто такая специфическая черточка, которая нас, приезжих, пришлых, отпугивает. Традиционный Лондон для нас выглядит если не отпугивающе, то экзотически, с этими своими закрытыми клубами чайными, с важными встречами, которые в итоге оказываются просто встречами, не по делу.

Катерина: Что ты имеешь в виду?

Чулпан: Для меня важная встреча — это пойти поговорить о делах фонда, или по спектаклю, или какому-то проекту. Для англичан это — просто пойти и встретиться, поговорить, напомнить друг другу о собственном существовании в этом мире. Просто поддержание отношений.

Катерина: Возможно, это как раз беда острова: если не встречаться и не напоминать друг другу о себе, можно совсем потеряться и одичать в этом тумане.

Чулпан: Ты романтизируешь, Катя. Мне кажется, это некая статусность.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ЖАНР

Катерина: Хорошо, а русский Лондон каков?

Чулпан: А русский Лондон я знаю только по нашим благотворительным бадам. И он, к счастью, стал отзывчивым.

Катерина: Это пришлось нарастить?

Чулпан: Мы это вырастили общими усилиями.

Катерина: Было тяжело? Лондон — это же, вообще, уникальная история: це-

ЧУЛПАН ХАМАТОВА

«Я могу существовать в Лондоне, как и в любом другом заграничье, только приезжая в гости. В каком еще я могу там пригодиться как русская артистка?»

льный кластер обеспеченных людей с семьями взял и уехал из России, составив большое комьюнити в одном из самых закрытых городов мира.

Чулпан: Да, это, конечно, вообще не изученная и, думаю, непростая для понимания история. Но я не об этом. Я, скорее, о разности в представлениях о благотворительности между нами и англичанами. Я никогда не могла себе представить, что столкнусь с таким глубоко отличающимся от моего представлением о том, как должно выглядеть благотворительное мероприятие, что на нем должно происходить, кто присутствовать, о чем надо говорить и как жертвовать. Наши первые балы в самом начале были сделаны для смешанной аудитории, в те годы к нам приходило примерно половина на половину русских и англичан. И мы старались совместить их любовь и бережное отношение к традициям с нашей — ну, я не знаю...

Катерина: Лихостью?

Чулпан: Весельем, открытостью, радостью от участия в общем деле. И вот оказалось, что мы совместить это не сможем.

Катерина: Почему?

Чулпан: Ну, не совмещается, Катя! Можешь себе представить, на один из первых концертов Gift of Life я, чтобы как-то сбить пафос всех этих рассказов о страданиях и нехватке средств, пригласила зеленых клоунов Славы Полунина. Идея была такая, что я рассказываю о фонде, о детях, а клоуны ходят по сцене и по залу и всех смешат, сыплют мне снег на голову, кого-то там подкидывают, берут на руки. Англичане этого юмора не поняли вообще. Для них необходимо четко определить жанр: у нас тут благотворительный вечер или веселая вечеринка? Они выходили из зала со словами, что это не соответствует традиции, это глумление над идеей благотворительности. Я с ними не согласна.

Катерина: Может быть, это были какие-то неправильные англичане?

Чулпан: Может быть. Но такое повторялось из раза в раз с разными англичанами. Наши первые аукционы вели лорды крупнейших аукционных домов: Sotheby's и Christie's. И эти аукционы были на грани провала, потому что русские не привыкли к такой подаче лотов, а англичане — к таким лотам. Нашим было в тягость, что все происходит быстро и по-деловому, англичане же считают, что

благотворительный аукцион — это просто аукцион и все. На следующий год мы пригласили уже двух аукционистов — имени того английского и нашего Игоря Верника. И это тоже стало проблемой, потому что Игорь взял все внимание на себя и просто отодвинул этого английского аукциониста, не давал ему слова сказать, и тот...

Катерина: Обиделся?

Чулпан: Ну, так явно не обиделся, просто отошел в сторону, давая понять: «Я вам тут не нужен». И он был прав. Мы вынесли уроки из этой истории. Пришли к выводу, что нужно просто делать вечера, на которых люди радовались бы и получали удовольствие так, как привыкли, как у нас принято, и перестали бы оглядываться на традиции. Нам до этих традиций, может быть, лет двадцать или двести еще расти, а помогать детям, которые болеют, надо прямо сейчас. Надо просто делать свое дело. И теперь мы просто проводим большие и красивые русские балы с веселым и бесшабашным русским аукционом, на котором 99% гостей — русские, а те англичане, которые приходят, — это их друзья, они приходят из любопытства и с нежностью, а не с возмущением по поводу поправленных традиций. Все счастливы, детям идет помощь.

КУРЕНТЗИС VS РЕДГРЕЙВ

Катерина: За эти десять лет какой бал стал самым запоминающимся для тебя?

Чулпан: Конечно, грандиозный вечер, на котором играла MusicAeterna под управлением Теодора Курентзиса и выступали великие Ванесса Редгрейв и Рэйф Файнс. Ты знаешь, этот вечер был всем удивителен. Ну, во-первых, без ложной скромности скажу, что это мы и именно в тот благотворительный вечер в пользу Gift of Life открыли Курентзиса для островной английской публики. До нашего вечера, кажется, горячим поклонником Теодора в Великобритании был только один влиятельный человек — Стивен

Фрай. По крайней мере, он единственный на весь Лондон, услышав программу выступающих нашего вечера, удовлетворенно улыбнулся и сказал, что это будет восхитительно. А, нет, вторым человеком, поверившим в нас и сделавшим много для того, чтобы этот вечер состоялся, был Сергей Адоньев, но он-то уже знал, кто такой Курентзис!

Во-вторых, этот концерт, в котором участвовали и наши, и английские артисты, меня, конечно, в очередной раз потряс тем, какие мы разные. Не помню сейчас точно, но генеральный прогон был назначен на, допустим, 12:00. Я пришла в зал в десять утра. Понятно, почему: я организатор в этой истории, а не артистка. Я носилась по залу, по закуливному пространству, занималась какими-то делами. Каково же было мое удивление, когда в зал вошла Ванесса Редгрейв.

Катерина: За два

часа до репетиции?

Чулпан: Да! Еще волонтеры не пришли, еще кейтеринг не приехал, а великая Ванесса уже здесь. Я помню, как истерически бегала за кулисами, пытаюсь отыскать ей бутылку воды. Но что ты думаешь, только я пришла в себя, как пришел Рэйф Файнс. Он тоже не привык опаздывать, тоже пришел заранее, чтобы пообщаться с коллегами, чтобы подготовиться к репетиции. Наши же артисты часто вбегают как угорелые за пятнадцать минут до начала прогона. А то и опаздывают. Моим отдельным смешным воспоминанием об этом вечере — потрясающем, на самом деле, конечно, — была сцена, которая случилась между Ванессой Редгрейв и Теодором Курентзисом. Все знают, насколько Теодор трепетно относится к посторонним звукам во время выступления его оркестра и вообще к вмешательству в процесс его творчества. Я своими глазами видела, как девушки-капельдинеры сперва подошли к Ванессе с вопросом — в общем-то, традиционным для больших концертов: «В какой момент мы будем впускать опоздавших». На что Ва-

ЕКАТЕРИНА ГОРДЕЕВА

«Возможно, это как раз беда острова: если не встречаться и не напоминать друг другу о себе, можно совсем потеряться и одичать в этом тумане»

несса невозмутимо ответила: «Во время музыки, потому что во время драматического выступления это невозможно». Потом девушка-капельдинер подошла к Теодору с тем же вопросом. Он, разумеется, ответил, что впускать опоздавших надо на драматических артистах, потому что ничто не должно нарушать божественное течение музыки. Я затаила дыхание, решив не вмешиваться и посмотреть, когда все-таки будут впускать опоздавших.

Катерина: Чья взяла?

Чулпан: Не забегай вперед. После всех этих расспросов, на которые Ванесса реагировала с королевской невозмутимостью и тактом, а Теодор — очень нервно, желая только, чтобы его оставили в покое и дали порепетировать с оркестром, Редгрейв вдруг на моих глазах направляется к Курентзису, явно желая с ним что-то обсудить. Я зажмуриваюсь, я-то с Теодором — тем более с Теодором за пару часов до концерта — хорошо знакома. Но Ванессу не остановить. Она подходит к Курентзису и с достоинством спрашивает:

шой ресурс, с другой — у нас все же другие задачи.

ПОСЛЕДНЕЕ ТАКСИ

Катерина: Ваши отношения с Лондоном в итоге сложились?

Чулпан: Я думаю, что мы друг друга приняли, хотя и не поняли до конца. Я, например, до сих пор не понимаю, как это так, что нельзя вот так просто взять, выбрать ресторан, сесть и вкусно поесть. Нет! Надо заранее звонить, бронировать, знать, как и когда. А просто зайти и поесть русскому человеку — мне! — праздного гуляющему по Лондону, невозможно!

Катерина: Где ты в последний раз вкусно ела в Лондоне?

Чулпан: Можно сказать, что нигде, я не успевала ничего бронировать, я же на гастролях или с концертом, то есть все на бегу.

Катерина: Хорошо, где ты в Лондоне от души погуляла в последний приезд?

Чулпан: О, это ты в точку попала.

Катерина: То есть у них только в метро все вежливые?

Чулпан: Слушай, это вот первый раз в своей жизни, вообще, — я увидела доведенного до крайности в своем отчаянии англичанина. Короче, он меня отталкивает, я говорю: «Что вы делаете?» Он: «Я первый поднял руку, когда увидел эту машину! Водитель видел, что я машу, он специально не остановился, решив остановиться около вас». Я говорю: «Ну вы же мужчина, вероятно, водитель решил выручить женщину». На что он сказал: «Ты вообще за мир без пластика, вот поэтому стой здесь!» Захлопнул дверь и уехал.

Катерина: А у тебя было где-то написано, что ты против пластика?

Чулпан: У меня нигде ничего не было написано, хоть я и против пластика. Но я не настолько против, чтобы лишиться такси! Но, вероятно, я в Лондоне так хорошо и молодо выгляжу, что дядька решил, что я — из поколения моих дочек. Ну и ладно, я не в обиде. А мой Лондон — где-то примерно между этим дядькой,

«Вероятно, я в Лондоне так хорошо и молодо выгляжу, что дядька решил, что я — из поколения моих дочек.
Ну и ладно, я не в обиде»

«Скажите, маэстро, когда мы будем репетировать поклоны?»

Катерина: В каком смысле репетировать поклоны?!

Чулпан: Это, Катя, такая школа драматическая, которая нам и не снилась. Должно быть отрепетировано все, включая финальные поклоны, понимаешь?

Катерина: И что Курентзис ей ответил?

Чулпан: Ну, давай я дипломатично скажу, что никакие поклоны никто не репетировал. А опоздавших впускали на драматических номерах.

Катерина: Черт. Я так и знала.

Чулпан: Но это был один из самых выдающихся наших концертов, правда. Помимо того что мы собрали очень внушительную сумму, Прокофьев в исполнении MusicAeterna под управлением Теодора Курентзиса — это было большое культурное событие для Лондона. Не русского Лондона и не английского — просто Лондона. Но таких огромных и серьезных мероприятий мы больше не делаем: с одной стороны, для этого нужен очень боль-

В последний приезд мы с Театром Наций играли в Барбикане и жили там же, рядом. И в этот момент там была большая забастовка антиглобалистов и борцов за чистоту окружающей среды. Они каким-то образом объединились и блокировали весь лондонский транспорт. Мне, в отличие от всех других жителей Лондона и его гостей, все это страшно нравилось: я каждое утро ходила пешком. Всюду, куда мне было надо, ходила пешком. Но в один прекрасный день, когда у нас с Женей Мироновым был единственный выходной в театре, мы, конечно же, решили устроить благотворительный вечер в пользу Gift of Life, который нам организовала наша любимая Люба Галкина. И этот вечер должен был быть в Soho. Это уже прилично от Барбикана. А я на шпильках и в вечернем платье. Вызвать такси невозможно. И я стояла и голосовала. Вдруг подъезжает ко мне кэб, я радостно подхожу и уже прямо ногу поднимаю, чтобы сесть в него, как вдруг ко мне подлетает такой довольно взрослый и прилично одетый мужчина и буквально отталкивает меня...

отогнавшим меня от такси, и вежливыми джентльменами, упреждающе извиняющимися в метро. И одно другому не противоречит. И то и другое умиляет и радует. Да, наверное, Лондон для меня — это про радость. Так может быть?

Катерина: Конечно, может. Мои любимые развлечения в Лондоне — кататься на London Eye, смотреть картины Мантеньи в Британском музее и просто курить, сидя на скамейке, в полном очень спортивных людей, бегающих в Гайд-парке. Проводить их глазами, но, на самом деле, смотреть на медленных и сонных лебедей. Чистая радость.

Чулпан: Она.